

Панкратова Ольга Александровна

кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных
и социальных дисциплин
Ульяновского института гражданской авиации
имени главного маршала авиации Б.П. Бугаева

СУБЪЕКТ ПОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Аннотация:

Статья посвящается анализу места и роли субъекта познания сквозь призму различных гносеологических моделей рациональности, что раскрывает новые перспективы видения в поле данной проблематики, меняет интерпретацию природы субъекта познания, мотивируя на поиск новых характеристик уже нетипичных гносеологических схем построения анализа гносеологического отношения «субъект – объект».

Ключевые слова:

рациональность, концепции рациональности, иррациональность, субъект и объект познания, гносеологическое отношение, метарациональность, синтетическая рациональность, гносеологический идеал, аксиологические компоненты познания.

Pankratova Olga Aleksandrovna

PhD in Philosophy,
Assistant Professor,
Social Sciences and Humanities Department,
Ulyanovsk Institute of Civil Aviation

A SUBJECT OF COGNITION IN THE CONTEXT OF THE MODERN POST-NON-CLASSICAL RATIONALITY

Summary:

The article analyses the place and role of the subject of cognition in the framework of different epistemological models of rationality, which opens up new perspectives of consideration in this problem field, changes interpretation of the nature of a cognition subject, encouraging to look for new features of atypical epistemological schemes of development of the analysis dealing with the epistemological relationship of "subject and object".

Keywords:

rationality, conceptions of rationality, irrationality, subject and object of cognition, epistemological relation, meta-rationality, synthetic rationality, epistemological ideal, axiological components of cognition.

В каждую историческую эпоху существовали свои гносеологические программы в деле осмысления отношений субъекта и объекта познания. Под субъектом познания понимается всегда человек, обладающий мыслительной активностью, которая распространяется как на самого субъекта в случае акта саморефлексии, то есть самопознания, так и на окружающий мир, общество в целом, на предметы и явления в нем как на объект. Субъектом познания могут выступать мыслительные конгломераты людей (от научных сообществ до человечества в целом), они тоже выступают своего рода носителями и производителями знаний.

Во многих современных философских и психологических исследованиях категория «субъект» рассматривается как некая данность, само собой разумеющаяся реальность. Эвристический, мировоззренческий и гуманистический потенциал этой мегакатегории раскрывается явно недостаточно, фактически отсутствуют попытки целостной, универсальной реконструкции и семантической интерпретации данной фундирующей гносеологической категории. Зачастую субъект расчленяется на отдельные «ипостаси» [1, с. 99]. В традиционном научном понимании сам субъект познания выступает всего лишь как простая деперсонифицированная машина по производству знаний. Этот подход имеет место и сегодня. Более того, широкое использование «интерактивной метафоры», раскрывая особенности познания как переработки информации, зачастую лишь усиливает разрыв между реальным многогранным человеком и абстрактной смоделированной схемой его как субъекта познания.

Интерпретация субъекта в качестве простого носителя активности, агента деятельности явно не устраивает современных ученых. Выработка представлений общей концепции субъекта как целостного и личностного воплощения культурного универсума во всех его проявлениях, параметрах и компонентах является задачей актуальной, но невероятно сложной, требующей особого рода междисциплинарного моделирования имманентной структуры субъекта, выявления и глубокого исследования основных способов связи субъекта со второй природой и обществом в целом.

Любая попытка определения понятия «субъект» будет содержать качественно иные, во многом оппозиционные положения:

1. Субъект характеризуется общей, существенной и вместе тем безликой внеиндивидуальной определенностью, активностью и спонтанностью как некая трансцендентальная реальность.

2. Субъект характеризуется не поведением, а более активной формой существования – деятельностью и творчеством, не только обладает устойчивыми структурами, но, напротив, динамически порождает новые структуры и формы организации опыта, знаний, программ действия т. д. Субъект, понимаемый таким образом, является не абстрактной, а конкретной сущностью, включающей в себя как порождающие, так и порождаемые структуры в их многообразии и динамизме становления [2, с. 100].

3. В процессе становления субъекта, наряду с жизненной историей и перспективами развития, существенную роль играют процессы развития надличностного уровня: научные революции, смена парадигм, типов рациональности, социальный прогресс, социокультурная динамика в их усвоении и трансформации в содержание и архитектуру субъективной реальности.

4. Субъекта можно описать как «форму форм» Аристотеля, как «чистую актуальность», как спонтанность, как деятельностное начало, выступающее источником активности и творчества.

Фрагмент субъективной или объективной реальности традиционно принято считать за объект познания, это некая специфическая форма реальности, которая вступила в субъект-объектное отношение, в контакт с сознанием человека, став фактом.

Субъект и объект познания, сама их трактовка тоже подвергались идейным (семантическим) трансформациям, менялась сама модель субъект-объектного отношения [3, с. 200]. Проследить этот уникальный процесс можно, обратившись к известным отечественным концепциям рациональности, где: *в первой – классической концепции (XVII–XVIII вв.)* субъект предстает как некая природно-объективная система, которая жестко отделена от объекта (по В.А. Лекторскому, это время существования простых познавательных систем); *во второй – неклассической концепции (XIX–XX вв.)* просматривается тенденция сближения субъекта и объекта, но субъект все еще вынесен за скобки. Субъект познания (человек) понимается как особая невещественная субстанция-деятельность (существование сложных саморегулируемых систем). *Третья концепция – постнеклассическая (XX–XXI вв.)*, здесь происходит превращение объекта познания в сам субъект (субъектом познания становится не просто сам человек, а результаты его деятельности), это связано с тем, что субъект познания начинает соотноситься с системой ценностей и целей, представляя собой некий сгусток интеллектуальной активности. Теперь мы имеем дело с живой личностью, с ее предпочтениями, ценностями и смыслами, одним словом, с суперсложной иерархически организованной системой, фундаментом которой является все социальное в целом [4, с. 20]. Таким образом, ценностно-целевые структуры познания выдвигаются с периферии на передний план. Субъект больше не дистанцируется от мира, он находится внутри него [5, с. 30]. Наука переходит к человекомерным объектам (к примеру информатика, кибернетика, биотехнология, генная инженерия и т. д. – господство саморазвивающихся систем).

Таким образом, граница между субъектом и объектом нивелируется, что влечет за собой неоднозначные гносеологические последствия. Одно из таких именуется словосочетанием постмодернистского толка – «смерть субъекта». Термин «смерть субъекта» утвердился в философской науке примерно в 1968 г. после нашумевшей публикации Р. Барта «Смерть автора» [6, с. 5]. Субъект перестал восприниматься как носитель чистой рациональности. Как же такое могло произойти? Если в век классической рациональности субъект был отстранен от объекта-текста, то в век постмодерна начала постулироваться мысль о том, что возведение в ранг канона чистой рациональности недостижимо как минимум в силу того, что сам процесс познания находится под постоянным натиском «интертекстов», неких остаточных смыслов, смысло-смыслов, неосознаваемых бессознательных стереотипов, что превращает сам познавательный процесс в пародию гонки за объективностью. Субъект познания попадает в бесконечность интерпретативных процессов, где с неизбежностью утопает, словно песчинка в море песка. Субъект умирает, остается лишь одна информация. Для философского дискурса в целом это имеет куда более печальные последствия – полное исчезновение какого-либо смыслового центра в любых взглядах на мир.

Может показаться странным, но сам человек как носитель субъективности не способен существовать вне текстуальных практик, вне текстов, в которых он живет с самого рождения, которые навязываются извне как сами собой разумеющиеся и составляют ту концептуальную матрицу или призму, через которую субъект познания «читает» мир. Это, безусловно, наводит на мысль об иллюзии и тщетности всякого своеобразия и оригинальности первозданного авторства, постулируя странную мысль интеллектуального дежавю (Deja Vu) [7, с. 530–531]. Любая деятельность человека, в том числе и творческая, будет выглядеть как жалкая компиляция уже сделанного. Как же тогда быть? Все это указывает на отсутствие контекстной среды обитания человека, выражаясь языком экзистенциалистов, предстает грустная картина человеческой «заброшенности». Что же делать? Можем ли мы создать некую обновленную интерпретацию понимания активности субъекта познания, где бы органично сочетались как биологический, так и социальный контексты?

В данном направлении, связанном с истолкованием природы субъекта и объекта в истории философии, уже был серьезный поворот (различение эмпирического и трансцендентального субъекта). Современный эпистемологический контекст еще во многом пропитан «духом» трансцендентального субъекта как некоего универсального образования, лишенного биологического содержания, из чего вытекала мысль о полной независимости биологического от социального в угоду достижения идеала объективности познания. Даже речь индивида относилась к некой внешней надбиологической оболочке. Все физиологические параметры личности считались абсолютно независимыми от социально-культурного контекста (эпистемология Ж. Пиаже, У. Куайна, К. Лоренца и др.). «Вишенкой на торте» можно по праву считать «безликую» эпистемологию К. Поппера с полным нивелированием внутреннего мира субъекта.

Психологическая наука, к сожалению, тоже злоупотребляла когнитивным редукционизмом, который выражался в признании базовой когнитивной структуры, которая предзадана субъекту, словно программа обеспечения персонального компьютера. Данная гносеологическая ситуация сама вынуждает искать новейший подход к осмыслению субъекта познания, и им может стать обновленная версия деятельностного подхода в виде новой интерпретации проблемы активности сознания субъекта познания.

Культурный, деятельностный, нейробиологический принципы будут принципами детерминации субъекта познания, отчего становится видна цепь взаимовлияний: социокультурное => онтогенетическое => филогенетическое. Выходит, что субъект «привязан» к социально-культурному, онто-/филогенетическому базису и вдобавок детерминирован историко-культурным контекстом. Отсюда следует, что все представления и знания субъекта, сформированные его культурной предысторией, образуют некую линзу, или по-другому *априорную матрицу*, через которую субъект познания смотрит на мир. Нельзя обойтись здесь и без такого базового принципа, как *целесолагание*, который мобилизует субъекта следовать определенным целям и задачам, то есть подстраивать под них эту априорную матрицу [8, с. 145].

Таким образом, знания можно успешно анализировать, учитывая нейробиологические, социокультурные (порождающие это знание) структуры. Благодаря «деятельности» субъективное можно будет в большей мере изымать из результатов деятельности для достижения объективного знания.

Деятельностный подход рисует нам иное видение субъекта познания, где идея догматической предзаданности познавательных способностей субъекта уступит место взгляду на их социокультурную релятивность в конкретных формах ее реализации.

В свете всех этих качественных изменений касательно места и роли субъекта познания в познавательном отношении, где опосредующим звеном выступают условия познающего, будет совершенно закономерным ожидать появления новой «метарациональности», которая будет фиксировать пределы рационализации как сознания самого субъекта познания, так и всей окружающей действительности с указанием на значимость нерациональных начал познания, которые поставят под сомнение традиционные представления о рациональности как таковой. Дело в том, что в структуре познавательной деятельности не существует рациональности в чистом виде. Рациональное и иррациональное всегда образуют сложные смешения, некую «синтетическую рациональность», но, несмотря на эту условность и размытость, она все же необходима как некий гносеологический идеал. И как в свое время иронично сказал Сальвадор Дали: «Не бойтесь совершенства. Вам его не достичь», то же самое хочется сказать и в отношении рациональности.

Ссылки:

1. Тихонов А.А. Субъект познания и неопределенность. М., 2004. 264 с.
2. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры: традиция и современность. М., 2003. 174 с.
3. Лекторский В.А. Философия, познание, культура. М., 2012. 383 с.
4. Степин В.С. О рациональности в современной культуре // Вестник Московского университета. Сер. 3: Философия. 2013. № 67. С. 19–24.
5. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. М., 2005. 464 с.
6. Barthes R. The Death of the Author // Aspen. 1967. № 5–6.
7. Мандель Б.П. Теория литературы : учеб. пособие для студентов высших учеб. заведений. М., 2014. 650 с.
8. Бажанов В.А. Современная культурная нейронаука и природа субъекта познания: логико-эпистемологические измерения // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 45, № 3. С. 133–149.

References:

1. Tikhonov, AA 2004, *The subject of knowledge and uncertainty*, Moscow, 264 p.
2. Shvyrev, VS 2003, *Rationality as the value of culture: tradition and modernity*, Moscow, 174 p.
3. Lektorskiy, VA 2012, *Philosophy, knowledge, culture*, Moscow, 383 p.
4. Stepin, VS 2013, 'Rationality in modern culture', *Bulletin of Moscow University. Ser. 3: Philosophy*, no. 67, p. 19-24.

5. Mikeskina, LA 2005, *Philosophy of Science: Contemporary Epistemology. Scientific knowledge in the dynamics of culture. The methodology of scientific research*, Moscow, 464 p.
6. Barthes, R 1967, 'The Death of the Author', *Aspen*, no. 5-6.
7. Mandel, BR 2014, *Literature Theory*, Moscow, 650 p.
8. Bazhanov, VA 2015, 'Modern neuroscience and cultural nature of the subject of knowledge: logical-epistemological measurement', *Epistemology and philosophy of science*, vol. 45, no. 3, p. 133-149.